

The book cover features a woman with long, dark, wavy hair and a black lace top. A large, black raven with glowing red eyes is perched on her shoulder, its beak open. The background is dark and atmospheric, with a full moon and a gothic-style building in the distance. The title 'Темпорария' is written in a large, ornate, golden font, with 'Под крылом Сауна' in a smaller, simpler font below it.

Темпорария

Под крылом Сауна

АЛЕФТИНА А. П.

18+

Алефтина А.П

Темпорария. Под крылом Сауна

«Автор»

2026

А.П А.

Темпорария. Под крылом Сауна / А. А.П — «Автор», 2026

Время не течёт. Оно выбирает. Аврил всегда верила в факты, логику и доказательства — до того момента, как в её дверь постучал окровавленный старик с пульсирующим синим браслетом. Через один удар сердца она окажется в 1780 году среди Хранителей времени — бессмертных стражей истории. Их враги, Дины, избранные древними богами, способны переписать прошлое и стереть будущее. Семь браслетов — семь ключей к самой ткани реальности, и один теперь на её запястье. Аврил придётся выбрать сторону в войне, растянувшейся через века, научиться управлять силой, способной спасти мир или уничтожить его. И среди всех испытаний её ждёт любовь, которой не должно быть, и предательство, которое уже случилось, но ещё не открылось. Чтобы спасти время, иногда его приходится сломать. И если ты откроешь эту книгу — возможно, в одной из эпох уже ждут тебя.

© А.П А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Темпорария. Под крылом Сауна

Глава 1

Дождь в Нимусе всегда приходил без предупреждения. Он не просто лил – он давил, словно хотел вбить город в землю, стереть улицы, дома и воспоминания.

Аврил стояла у окна, держа в руках чашку остывшего кофе. Худощавая фигура терялась в полумраке комнаты, тёмные длинные локоны спадали на плечи, почти сливаясь с ночью за стеклом. Её плечи были прямыми, спина – ровной, как будто привычка держаться с достоинством осталась с тех дней, когда приходилось стоять перед преступниками и свидетелями, не показывая слабость. Взгляд, усталый от бессонных ночей и бесконечных дел, всё ещё цепко обводил комнату, не пропуская ни одной детали.

Дом был слишком тихим для её возраста. В двадцать восемь лет она жила одна, и это одиночество давно перестало быть временным. Оно стало фоном её жизни – таким же неизменным, как дождь за окном и ночи без сна.

Часы показывали почти полночь. Тишина в доме была плотной, давящей. Такой бывает только за городом, когда вокруг нет ни соседей, ни машин, ни чужих голосов. Только ты и твои мысли.

Она привыкла к тишине.

Она росла в ней с детства.

Мать исчезла, когда Аврил было два года. Слишком рано, чтобы помнить лицо или голос. Иногда ей казалось, что память всё же хранит что-то – обрывок запаха, тень в коридоре, – но каждый раз, когда она пыталась ухватиться за это чувство, оно ускользало. Отец никогда не говорил о ней. Просто однажды в доме стало на одного человека меньше, и так осталось навсегда.

Её растил отец. Полицейский.

Он редко говорил о своей работе, но иногда брал Аврил с собой – не на задания, конечно, а в участок, в гараж, где пахло маслом и дождём, в кабинеты с облупившейся краской и стопками дел. Он показывал ей значок, объяснял, как читать протоколы, как отличать ложь от страха. Тогда она ещё не знала слов, но уже чувствовала – ей это нравится. Чёткие правила, ясная грань между правдой и ложью, ощущение, что даже в грязи можно найти порядок.

Он учил её держать спину прямо и смотреть людям в глаза.

Говорил, что страх – не слабость, слабость – это бегство. Эти слова остались с ней навсегда.

Она пошла в полицию не случайно. Это было не протестом и не попыткой доказать что-то миру – просто другого пути она для себя не видела. Она выросла среди дел, допросов и ночных звонков, и эта жизнь была ей знакома лучше любой другой.

Несколько лет назад отец погиб при задании.

Так было написано в отчёте. Сухо, без лишних подробностей. После его смерти дом опустел окончательно, а тишина стала глубже, почти враждебной. Тогда Аврил поняла, что осталась одна – по-настоящему.

После службы в полиции она вообще ко многому привыкла.

Аврил ушла не потому, что не справилась. И не потому, что испугалась. Она ушла потому, что правда оказалась никому не нужна. Дело, которое она вела, закрыли слишком быстро. Улики исчезли. А человек, которого она считала виновным, вышел сухим из воды.

Это было не первое сомнительное решение системы – но первое, которое задело её слишком лично. Она узнала знакомые приёмы: тишину, недосказанность, удобное забвение. Всё

выглядело слишком чисто. Так же чисто, как когда-то исчезла одна женщина, имя которой никогда не произносили вслух.

Ей предложили забыть. Она не смогла.

Но всё началось задолго до этого разговора.

Дело, которое она вела, не было рядовым. Оно тянулось месяцами, разрасталось, как трещина в стекле, и чем глубже Аврил погружалась, тем отчётливее понимала – за очевидной преступной схемой стоит не один человек. Свидетели внезапно меняли показания, записи с камер пропадали, вещественные доказательства «терялись» при передаче в архив. Сначала это выглядело как халатность, потом – как совпадение, а вскоре стало системным, чтобы быть случайностью.

Она знала, что приближается к чему-то серьёзному. Чувствовала это тем внутренним чутьём, которое вырабатывается годами службы. Обвиняемый держался слишком спокойно, его адвокат говорил уверенно, а решения принимались быстро. Когда дело неожиданно закрыли за «недостаточностью доказательств», она поняла – его не просто отпустили, его вывели.

Через несколько дней её вызвали в отдел внутренней безопасности. Формулировки были выверены до безупречности: превышение полномочий, давление на свидетелей, некорректный сбор информации. Её собственные отчёты превратились в основание для служебного разбирательства. Всё выглядело законно, аккуратно и окончательно.

Аврил быстро осознала, что речь идёт не о проверке – её устраняют. Кто-то внутри управления помогал тем, кого она пыталась привлечь к ответственности, и этот кто-то имел достаточно власти, чтобы закрыть дело и поставить точку в её карьере.

Ей предложили уволиться по собственному желанию, без огласки и шума. Так будет «правильнее», так будет «спокойнее для всех». Она подписала рапорт с ровной спиной и холодным выражением лица, но внутри уже не осталось прежней веры в систему, которой её учил отец.

С того дня слово «долг» перестало быть для неё однозначным.

Дождь усилился. И именно в этот момент в дверь постучали.

Она вздрогнула.

Слишком поздно для гостей и очень странно для случайного прохожего. Она подошла к двери не сразу, прислушиваясь.

– Показалось... – тихо сказала она самой себе.

ТУК. ТУК. ТУК.

Стук был настойчивым. Грубым. Таким, каким стучат не в дверь – в судьбу.

Аврил машинально положила руку на кухонный нож. Привычка, оставшаяся с полицейских лет. Сердце билось ровно – слишком ровно. Страх пришёл позже.

– Кто там? – спросила она, не подходя вплотную.

Ответа не было. Только ветер и дождь.

Когда она всё же открыла дверь, ночь буквально рухнула внутрь.

На пороге стоял старик. Промокший до нитки, с трясущимися руками и глазами, в которых было больше ужаса, чем боли. Его пальто выглядело странно – очень старомодным, словно вырванным из другой эпохи.

– Воды... – прохрипел он. – Ради всего... времени...

Он пошатнулся.

Аврил подхватила его прежде, чем он упал.

– Тише, тише. Вы ранены.

На его виске и ладони была кровь. Свежая.

У камина старик пил воду жадно, захлёбываясь, словно не видел её много дней. Аврил осторожно обрабатывала рану.

– Как вас зовут?

Он поднял на неё взгляд.

– Саин... – прошептал он. – Если они уже здесь... значит, я не успел.

– Кто «они»?

Саин сжал её запястье с неожиданной силой.

– Не доверяй хранителям. Особенно тем, кто говорит о долге.

– Вы бредите. Вам нужно отдохнуть.

Но старик уже отводил взгляд, словно видел за её спиной что-то, чего не было.

Позже, когда он уснул, Аврил позволила себе осмотреть его вещи. Сумка была тяжёлой. Внутри – блокнот, фотография молодого мужчины с подписью: «Гильберт. 1885 год. Любимый сын» и браслет.

Аврил задержала взгляд на фотографии. Сердце ёкнуло. 1885 год? Она снова взглянула на старика в другой комнате – 1990 год, этот дом, эта комната. Как это возможно? Сын старика родился почти столетие назад. Её голова закружилась. Всё внутри требовало объяснения, логики – а объяснений не было.

Браслет сразу привлёк её внимание. Он был холодным, почти скользким на ощупь: серебро, пентаграмма дракона, синий камень, который, казалось, слегка пульсировал, будто живой. Аврил ощутила странное притяжение, непреодолимое и тихое, как дыхание под водой. Не устояв, она осторожно надела его на запястье.

Холод мгновенно пробежал по коже, а в голове вспыхнула резкая, ослепляющая боль – казалось сам воздух вокруг сжался, сжимая мысли в узкий сжатый клубок. Сердце забилось быстрее, дыхание сбилось, но вместе с этим пришло странное чувство присутствия чего-то огромного и старого, чего нельзя было понять сразу.

Отшатнувшись, Аврил схватила блокнот. Страницы снова и снова возвращали к одному и тому же: браслет, время, перемещение.

Старик писал об этом не как о фантазии, а как о факте. Как о техническом процессе. О точках входа и выхода. О людях, которые следят за тем, чтобы время не ломалось.

Аврил злилась.

– Это невозможно, – прошептала она, перелистывая очередную страницу, чувствуя, как браслет лёгкой тяжестью тянет её запястье, словно намекая: «Это только начало».

В блокноте она также обнаружила фотографию браслета с подписью: «Он активируется только тогда, когда носитель перестаёт искать объяснение».

Аврил усмехнулась.

– Чушь.

Не верила. Не хотела верить. Всё должно иметь объяснение. Даже безумие.

Она стояла у окна, когда браслет на её запястье неожиданно нагрелся. Камень вспыхнул слабым, живым синим светом. Воздух в комнате задрожал, словно дрожащие волны энергии пробежали по стенам.

– Нет, – сказала Аврил, сжимая кулак. – Я в это не верю.

Свет усилился. Комната потускнела, а мир за окном начал медленно растворяться, будто его стирали неумолимой рукой. Каждый звук, каждый силуэт терял чёткость, оставляя лишь смутное ощущение пустоты.

Последнее, о чём она успела подумать: Если это сон – он слишком реальный.

И в следующую секунду сознание Аврил растворилось, не оставив ей ни сопротивления, ни страха, ни времени на осознание.

Глава 2

Аврил проснулась резко, словно её вытолкнули из сна. Послышался стук. Но на этот раз – в окно. На подоконнике сидел ворон. Он смотрел прямо на неё. В доме стояла тишина. Не уютная, ночная – а плотная, настороженная, как перед выстрелом.

– Саин?.. – позвала она.

Ответа не было.

Камин давно погас. Часы на стене показывали без четверти три. Она поднялась и сделала шаг к коридору – и в этот момент почувствовала запах.

Металл. Сырость. Кровь.

Аврил шла медленно, стараясь дышать ровно. Половицы не скрипели – словно дом затаился вместе с ней. Дверь гостевой комнаты была приоткрыта.

Саин лежал на спине.

Его глаза были открыты.

Отверстие в виске было слишком аккуратным. Не рваным. Не грубым. Как будто кто-то точно знал, куда ударить, чтобы не оставить ни секунды шанса.

Аврил опустилась рядом, машинально проверяя пульс. Холод.

– Нет... – прошептала она.

Окна были закрыты. Дверь заперта изнутри. Ни следов борьбы, ни взлома.

Профессионально. Чисто.

Так не убивают в ярости. Так убивают.

В голове всплыли слова Саина: «Не доверяй хранителям».

Аврил резко встала. Сердце грохотало в ушах. Она обошла дом – ничего. Ни теней, ни движения. Только дождь за стеклом.

На тумбочке рядом с кроватью лежал сверток бумаги. Раскрытый.

На нем было написано её имя. И адрес.

Руки задрожали.

– Ты знал... – выдохнула она. – Ты знал, что придёшь ко мне.

С улицы донёсся хриплый крик ворона.

Аврил не стала вызывать полицию. Она слишком хорошо знала, чем это закончится.

Она бросила последний взгляд на дом и, будто спасаясь от самой тьмы, ринулась прочь. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь с потом и слезами, превращая каждый шаг в борьбу со скользкой грязью под ногами. Обувь скользила по лужам, и сердце колотилось так, словно хотело вырваться наружу. Тьма за её спиной сгущалась с каждым мгновением, а впереди, сквозь дождевые занавески, вырисовывались огни мотеля «Ласточка» – её единственного убежища. Не безопасного, нет, но хотя бы места, где можно было на мгновение выдохнуть и собрать силы, прежде чем тьма снова догонит.

Мотель «Ласточка» стоял на самой кромке города, там, где фонари уже не горели, а дорога начинала растворяться в темноте. Вывеска скрипела на ветру, будто кто-то медленно водил ногтем по металлу. Казалось, здание не просто было заброшенным – оно было оставленным, как тело, о котором старались не вспоминать.

Аврил сняла номер, не задавая вопросов. В таких местах вопросы звучат громче крика.

Администратор – худой мужчина лет сорока с проваленными щеками – сидел за стойкой неподвижно, словно часть мебели. Его глаза были открыты, но пусты.

– Одна ночь, – сказала Аврил.

Он не сразу ответил. Его пальцы медленно, слишком медленно, передвинули ключ по стойке.

– Здесь... – голос был сиплым, будто давно не использовался, – редко остаются надолго. Он так и не посмотрел на неё.

Номер встретил её запахом пыли, застарелого пота и сырости. Постельное бельё было серым, похоже, что его стирали вместе с грязной водой. Когда дверь захлопнулась, звук оказался слишком громким – словно щёлкнул замок не только на двери, но и где-то внутри неё.

Аврил заперлась, проверила замок дважды и села на край кровати.

Синий камень браслета пульсировал – медленно, но настойчиво, как боль под кожей. Свет от него отражался на стенах, и на мгновение ей показалось, что тени двигаются.

– Что ты такое?.. – прошептала она, чувствуя, как холод ползёт по позвоночнику.

Стук в окно прозвучал резко, будто выстрел.

Аврил дёрнулась.

На подоконнике сидел ворон. Тот самый. Его глаза блестели слишком осмысленно, слишком живо для птицы. Клюв был испачкан чем-то тёмным.

– Ты издеваешься надо мной... – прошипела она, поднимаясь.

Ворон ударил клювом по стеклу. Раз. Второй. Третий.

Тонкая трещина побежала по стеклу, но птица уже взмыла в ночь.

И тогда тишина обрушилась.

Она была не обычной – не отсутствием звуков, а их поглощением. Даже гул в ушах исчез.

Аврил вышла в коридор.

Пусто.

Ковровая дорожка была влажной, словно по ней недавно что-то тащили. Лампочки под потолком мигали, и при каждом вспышке коридор казалось становился короче.

– Эй?.. – позвала она, и её голос прозвучал чужим.

Ответом было только жужжание света.

Комната охраны находилась за стойкой ресепшена. Дверь была приоткрыта.

Запах ударил сразу – густой, сладковатый, металлический. Запах смерти, который невозможно спутать ни с чем.

Тело администратора лежало на полу, неестественно вывернутое. Его лицо было разорвано, словно кто-то пытался стереть его, а не убить. Глаза отсутствовали.

Но виск...

Тот же знак. Глубокий, рваный след, будто плоть раздвинули изнутри.

Аврил прижала ладонь ко рту, чувствуя, как поднимается тошнота.

Рядом с телом лежал кулон – чужой, тяжёлый, испачканный кровью. Символика была незнакомой, но браслет на её запястье отозвался резкой болью.

– Это уже не совпадение... – прошептала она.

Снаружи раздались голоса. Резкие, громкие. Рации. Шаги. Полиция.

Аврил не стала думать.

Через чёрный ход она выскользнула наружу, почти бежала, не оглядываясь. Асфальт стоянки был холодным и липким под ногами.

Там стоял старый Citroën DS19. И на его капоте – ворон.

Он смотрел прямо на неё.

– Если это ловушка... – сказала она, садясь за руль, чувствуя, как дрожат пальцы.

Мотор взревел, фары вспыхнули. И в тот миг, когда колёса сорвались с места, время дрогнуло – будто что-то древнее, голодное на мгновение обернулось и заметило её.

Сирены взвыли почти сразу – резко, истерично, словно город кричал ей вслед.

Аврил вдавила педаль газа до упора. Citroën рванулся вперёд, старый двигатель застонал, но подчинился, казалось понимал: это не побег, это бегство от приговора. В зеркале заднего вида синие огни расплывались в дождевой пелене, превращаясь в призрачные пятна, которые то исчезали, то вспыхивали снова.

– Чёрт... – выдохнула она, и дыхание застряло где-то в горле.

Дома закончились внезапно, словно кто-то стёр их одним движением. Асфальт стал узким, потрескавшимся, дорога тянулась вперёд, в пустоту. Фары выхватывали из темноты мокрые дорожные знаки, искривлённые, будто они тоже спешили отвернуться.

В голове билось только одно: не останавливайся.

Браслет на запястье резко нагрелся. Не тёплый – обжигающий. Кожа под ним словно начала плавиться, и Аврил закусил губу, чтобы не закричать.

– Нет... не сейчас... – прошептала она, судорожно сжимая руль. Пальцы онемели, словно чужие.

Полицейская машина приблизилась слишком быстро. Фары ударили по глазам белым, беспощадным светом, стирая границы дороги. Она резко дёрнула руль – и в тот же миг увидела впереди тёмный провал.

Недостроенный мост.

Он обрывался внезапно, без ограждений, словно дорогу просто перерезали и забыли закончить.

Тормоза взвизгнули истошно, металл закричал. Машину повело, задние колёса сорвались, мир накренился.

И тогда время сломалось.

Звук сирен растянулся в низкий, вязкий гул. Дождь завис в воздухе, капли повисли, как стеклянные иглы. Аврил чувствовала, как сердце бьётся – медленно, тяжело, будто каждое сокращение даётся с усилием.

Она опустила взгляд.

Браслет пульсировал бешено. Цифры на камне менялись с невозможной скоростью, складываясь в узоры, от которых начинало болеть в глазах.

– Если ты правда работаешь... – сказала она сквозь стиснутые зубы, чувствуя вкус крови во рту. – Если ты не лжёшь мне... сейчас.

Она ударила ладонью по камню.

Мир разорвался.

Звук исчез мгновенно, словно его выдернули. Тело потеряло вес – это было не падение, а ощущение, что её вынули из самой реальности, аккуратно и беспощадно. Машины, дороги, свет – всё перестало иметь значение.

В груди вспыхнула боль, резкая, электрическая, как если бы сердце на миг перестало принадлежать ей. Воздух стал плотным, чужим, тяжёлым.

Пространство смялось. Свет погас.

Её окружила тьма – густая, живая, ждущая. Она не была пустой. В ней ощущалось движение, дыхание, далёкие, непривычные звуки, которых ещё не было, но которые уже приближались.

Глава 3

Аврил упала на холодный камень, боль отозвалась во всём теле.

Воздух был иным – плотным, тяжёлым, пропитанным запахами дыма, влажного камня, конского навоза и благовоний. Он словно давил на грудь, заставляя дышать осторожно, непривычно.

Она подняла голову.

Перед ней возвышалось здание театра. Огромное, величественное, почти нереальное. Позолоченные колонны отражали свет факелов, словно были сделаны не из металла, а из расплавленного солнца. Каменные львы у входа скалили пасти, и в их глазах читалась не защита – угроза.

– Это... невозможно... – прошептала Аврил.

Улицы вокруг жили своей жизнью. Кареты грохотали по булыжной мостовой, лошади фыркали, прохожие в камзолах и длинных платьях бросали на неё тревожные, подозрительные взгляды. Её одежда слишком выделялась.

– Ведьма... – прошипела кто-то из толпы.

Аврил инстинктивно отступила и нырнула в узкий переулок, где воздух был сырее, а тени – гуще.

Там, как и ожидалось, её ждал ворон.

– Ты просто обожаешь эффектные появления, да? – выдохнула она, чувствуя, как сердце всё ещё колотится.

Птица каркнула и перелетела к лестнице, уходящей под землю.

Подвал был древним. Камень стен был исписан символами, часть из которых совпадала с узорами на браслете. Внизу их ждали ворота.

Железные. Массивные. Холодные.

Пентаграмма дракона в центре будто дышала.

Когда ворота открылись, Аврил почувствовала, как по коже пробежал холод.

Внутри находился зал. Высокие своды терялись в полумраке, факелы отбрасывали колеблющиеся тени, а воздух вибрировал – словно здесь постоянно нарушали законы реальности.

– Добро пожаловать в Орден хранителей времени.

Голос прозвучал спокойно.

Мужчина вышел из тени. Ему было около тридцати. Тёмные волосы были собраны назад, открывая лицо с чёткими, строгими чертами – высокие скулы, ровная линия челюсти, губы, сжатые в привычной сдержанности. Взгляд – холодный и внимательный – не выдавал ни удивления, ни страха, но в нём читался опыт, который не приходит за одну жизнь. Он смотрел так, словно видел людей насквозь и давно перестал этому удивляться.

На его запястье блеснул браслет с синим камнем – цветом глубокого льда или ночного моря. Камень вспыхнул на миг, отозвавшись на его шаг, и тут же погас.

Аврил поймала себя на мысли, что он ей понравился. Слишком сильно и слишком быстро – как нравятся опасные вещи, о которых инстинкт шепчет держаться подальше, а любопытство тянет ближе.

– Меня зовут Гильберт, – сказал он.

На миг, Аврил вспомнила его фотографию в блокноте старика.

– Вы знали, что я приду? – спросила она.

– Да.

– Тогда вы знаете и то, что вашего отца убили.

Между ними повисла пауза.

Гильберт медленно выдохнул. Его лицо не дрогнуло.

– Я знаю.

– И вас это не удивляет? – в её голосе прозвучал вызов.

– Саин давно жил за пределами своего времени, – ответил он спокойно. – Такие всегда умирают раньше.

Это было сказано без жестокости и без боли.

– Вы говорите об этом слишком легко.

Гильберт чуть склонил голову, внимательно изучая её взгляд. Его тон стал мягче, почти осторожным:

– Знаешь... ты слишком смело смотришь на человека, который может быть твоим врагом.

Аврил на мгновение замерла. Не ожидала такого обращения. В его словах не было угрозы – только тихое, деликатное приглашение довериться.

– Я? – пробормотала она, слегка напрягаясь.

Он кивнул, едва заметно улыбнувшись:

– Да. Давай перейдём на «ты». Так проще.

Аврил почувствовала странное облегчение. Этот простой переход казался мостиком между ними – и одновременно маленьким испытанием доверия.

Его губы слегка тронула улыбка.

– Бывшая полиция? – продолжил он. – Взгляд выдаёт.

– А ты – самоуверенность, – парировала Аврил.

– Она спасает мне жизнь уже много лет.

Он сделал шаг ближе. Слишком близко.

– И если ты здесь, Аврил, значит, он выбрал правильно.

В этот момент в зал вышли ещё пятеро хранителей времени.

Их браслеты отличались цветом камней: багряный, янтарный, изумрудный, чёрный и молочно-белый. Их взгляды были холодными, оценивающими, лишёнными сочувствия.

– Это она? – спросил один из них.

– Да, – ответил Гильберт, не отводя взгляда от Аврил.

– Слишком живая, – пробормотала женщина с чёрным камнем.

Аврил сжала кулаки.

– Вы могли бы хотя бы представиться.

– Мы не обязаны, – сухо ответили ей.

Гильберт усмехнулся.

– Они не привыкли к тем, кто задаёт вопросы.

Он снова посмотрел на неё – и в этом взгляде было что-то опасное. Не обещание. Предупреждение.

– Отдохни, Аврил. Твоя жизнь только что закончилась.

– А новая?

– Будет сложнее. И интереснее.

В этот момент она поняла: этот человек станет для неё либо спасением, либо самым болезненным выбором.

Так началась её жизнь вне времени...

Аврил почти не помнила, как покинула ту комнату. Коридоры Ордена тянулись бесконечно – высокие, каменные, освещённые редкими светильниками, в которых пламя горело слишком ровно, будто не подчиняясь ветру и времени. Их мягкий золотистый свет ложился на холодные стены, и казалось, что сам воздух здесь наполнен тихим шёпотом прошедших веков.

Шаги Аврил отдавались в камне глухим эхом. Она шла медленно, словно всё ещё не до конца понимая, где находится и что произошло.

Мимо неё иногда почти бесшумно проносились люди. Слуги. Они двигались быстро, с привычной ловкостью: кто-то нёс стопки ткани, кто-то поднос с медными кубками, кто-то – корзины с травами и бумагами. Их одежда была простой, но аккуратной, больше напоминающей наряды давних времён. Некоторые из них бросали на Аврил короткие любопытные взгляды, но никто не останавливался.

– Тебе сюда, – раздался спокойный мужской голос.

Она вздрогнула и обернулась.

Перед ней стоял высокий мужчина лет тридцати пяти на вид – светлые волосы, собранные на затылке, серые внимательные глаза. Его движения были неторопливыми, уверенными, как у того, кто давно никуда не спешит.

– Лоте, – представился он, слегка склонив голову. – Хранитель времени.

Рядом появилась женщина – темноволосая, с тонкими чертами лица и взглядом, в котором смешивались мягкость и холодная ясность.

– Имилия, – сказала она. – Мы рады, что ты жива, Аврил.

Аврил несколько секунд смотрела на них, словно пытаясь понять, не сон ли всё это.

– Рады... – она хрипло усмехнулась. – После всего этого?

– Именно поэтому, – спокойно ответила Имилия.

Они повели её дальше.

Дворец Ордена открывался постепенно – не величием, а глубиной. Арки уходили вверх, резные колонны поддерживали тяжёлые своды, стены покрывали потемневшие фрески. На них были изображены сцены, которых Аврил никогда прежде не видела: города с высокими башнями, сражения в старинных доспехах, люди с браслетами на запястьях, стоящие среди песков времени.

Всё напоминало Францию XVI века – строгую, холодную и прекрасную.

По пути они прошли через просторную галерею, где из высоких окон падал мягкий серебристый свет. Там снова мелькали слуги – тихие, быстрые, почти как тени.

Аврил не выдержала.

– Здесь... много людей.

– Да, – ответил Лоте. – Орден – это не только хранители.

– В каком смысле?

Он кивнул в сторону коридора, где только что исчезли несколько человек.

– С нами живут и обычные люди. Те, кто знает о нашем существовании и помогает нам.

Некоторые служат здесь поколениями.

Аврил нахмурилась.

– Они знают... кто вы?

– Знают достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов, – спокойно сказал Лоте.

Имилия мягко добавила:

– Многие из них нашли здесь защиту. Или новый дом.

– И защиту от кого? – тихо спросила Аврил.

Лоте чуть повернул голову.

– У нас есть небольшая армия.

– Армия? – Аврил остановилась.

– Да. Люди и хранители, – ответил он. – Они ежедневно тренируются во внутреннем дворе. Их задача – защищать Орден и ближайшие селения. Иногда мир снаружи становится... слишком опасным.

Аврил почувствовала странный холод.

– Значит, вы не просто... библиотека бессмертных.

Лоте позволил себе лёгкую улыбку.

– К сожалению, нет.

Они снова пошли вперёд.

Проходя по длинному коридору, Аврил заметила что-то странное. На стене висели старые фотографии – портреты людей, датированные 1430 годом. Бумага потемнела от времени, но лица были чёткими.

И каждый из них носил браслет.

Точно такой же, как у Гильберта.

Она остановилась.

– Это... они жили в 1430 году? – спросила Аврил, не скрывая шока. – Или переместились туда?

Лоте остановился. Его взгляд был серьёзным, но спокойным.

– Мы живём вечно, – сказал он тихо. – Время не властно над нами. Мы были тогда, мы здесь сейчас... и будем дальше.

Слова прозвучали так просто, будто речь шла о погоде.

Но для Аврил мир в этот момент словно треснул.

– Вечно?.. – её голос сорвался. – Подождите...

Она сделала шаг назад, чувствуя, как начинает кружиться голова.

– Вы... шутите?

Никто не улыбнулся.

– Это невозможно... – прошептала она. – Люди не могут жить вечно.

– Наше тело не стареет, Аврил, – мягко сказала Имилия. – Мы не теряем молодость.

– Но... – Аврил провела рукой по лицу, словно проверяя, не изменилось ли оно. – Но это... это безумие.

Лоте продолжил:

– Мы смертны. Нас можно убить. От ран, от клинков... от ошибок. Но годы не берут нас. Аврил медленно опустила взгляд на свои руки.

Её пальцы дрожали.

– Значит... – она с трудом вдохнула. – Значит, и я...

Имилия кивнула.

– Ты обрела вечную молодость.

Эти слова прозвучали страшнее любого приговора.

Аврил резко подняла голову.

– Нет... – прошептала она. – Нет. Я... я не просила этого.

– Никто из нас не просил, – тихо сказала Имилия.

Аврил почувствовала, как внутри всё сжимается.

Вечность. Не годы. Не десятилетия.

– А раны? – вдруг вспомнила она. – Болезни?

– С этим нам помогает ведьма, – ответил Лоте. – Она живёт в тёмном лесу.

– Там, куда обычные люди не ходят, – добавила Имилия.

– Ведьма... – тихо повторила Аврил.

– Не бойся, – сказала Имилия. – Она лечит.

Она на секунду замолчала.

– Но цена всегда есть.

Они прошли ещё несколько коридоров и спустились по широкой лестнице. Откуда-то впереди потянуло тёплым ароматом.

Аврил невольно вдохнула глубже.

Запах был неожиданно уютным.

– Это... чай? – удивилась она.

Имилия улыбнулась.

– Столовая.

Они вошли в просторный зал с длинными деревянными столами. В камине тихо потрескивали дрова. Несколько слуг ставили на столы медные чайники и тарелки с горячей выпечкой.

В воздухе стоял аромат свежего хлеба, меда, травяного чая и сладких булочек. Тёплый, домашний запах словно принадлежал другому миру – спокойному, мирному, далёкому от разговоров о бессмертии и ведьмах.

Аврил на мгновение остановилась.

– Здесь... пахнет как дома.

– Иногда даже хранителям нужно чувствовать себя людьми, – тихо сказала Имилия.

Они не задержались.

Пройдя ещё несколько коридоров, Лоте остановился у тяжёлой деревянной двери.

– Это твои покои.

Имилия мягко открыла дверь.

Комната была просторной, но простой. Высокое окно, широкая кровать, старинный письменный стол и шкаф из тёмного дерева. На стенах висели гобелены с выцветшими узорами.

– Отдохни, – сказала Имилия. – Тебе нужно время.

– И много ответов, – добавил Лоте.

Когда они ушли, дверь закрылась мягко, почти заботливо.

Аврил осталась одна.

Комната была тиха.

Слишком тиха.

Она подошла к окну и распахнула его. Холодный ночной воздух ворвался внутрь – и вместе с ним чёрная тень.

Ворон.

Он опустился на подоконник легко, как всегда, и склонил голову, глядя на неё знакомым, разумным взглядом.

– Значит, ты и здесь, – прошептала она.

Аврил присела на кровать. Ворон тихо крутился у подоконника, а она протянула руку и осторожно гладила его чёрное, блестящее оперение. В другой руке крутила кулон – тот самый, который нашла в мотеле, рядом с окровавленным трупом. Металл был холодным, почти тяжёлым, а внутри – маленький камень, сияющий едва заметным красным светом.

Она рассматривала его снова и снова, и мысли крутились как вихрь.

Всё, что с ней происходило: браслет, хранители, вечная жизнь, дворец, фотографии 1430 года...

Каждое открытие было словно удар в сердце и в сознание одновременно.

Новая жизнь. Бесконечная. Загадочная.

Полная вопросов, на которые не было ответов.

Аврил опустила голову, устало улыбнулась ворону и, расслабив руки, позволила себе погрузиться в сон.

Когда она открыла глаза на следующее утро, первым, что уловила, был странный шум у двери. Она села, прислушалась, и заметила аккуратно положенную записку. Чёрными буквами на пергаменте было написано:

«Жду в главном холле».

Аврил невольно улыбнулась.

«Ну вот, – подумала она с лёгкой иронией, – ещё совсем плохо знаю этот дворец».

В этот момент ворон снова тихо влетел в комнату и сел ей на плечо, веско и уверенно, словно напоминая: она не одна в этом странном, вечном мире. Его взгляд был умным, пронзительным, почти человеческим.

Аврил провела рукой по его перьям, глубоко вдохнула и поднялась.

Сегодня начинался новый день. День, который обещал разгадки и опасности, тайны и открытия. И, возможно, именно здесь, в этом дворце вне времени, она должна была понять, что значит жить вечно – и кем она станет в этом бесконечном потоке событий.

Глава 4

Аврил вошла в зал осторожно, словно боялась нарушить хрупкое равновесие тишины. Воздух здесь был особенным – плотным, наполненным невидимым напряжением, как в доме, который помнит слишком много чужих шагов и несказанных слов. Каменные стены будто слушали.

Гильберт сидел у окна. Он не обернулся, хотя точно знал, что она пришла. Дождь стекал по стеклу медленно, лениво, и в этом ритме было что-то упрямо-постоянное, как в нём самом.

– Знаешь... – его голос прозвучал негромко, почти интимно, – когда я был ребёнком, отец часто повторял мне: сила хранителя – это не дар. Это груз, который ты соглашаешься нести. Иногда до конца жизни. Иногда – до первого неправильного шага.

Аврил замерла. Она ожидала наставлений, проверок, сухих правил – но не этого. Не исповеди.

– Он говорил, что Орден создан не для власти, – продолжил Гильберт, всё так же глядя на дождь, – а для контроля над тем, что не подчиняется ни воле, ни разуму. Каждый хранитель... каждый браслет – это не оружие. Это отражение. Если внутри хаос – он выйдет наружу.

Он сделал паузу. Впервые Аврил заметила, как его пальцы слегка сжались на подлокотнике кресла.

– Мой отец... – голос стал тише, глубже. – Он отдал всё, чтобы удержать равновесие. Себя, своё имя, свою жизнь. А те, кто хотел силы без цены... – Гильберт едва заметно покачал головой. – Они платили куда дороже, чем ожидали.

Аврил инстинктивно сжала браслет на запястье. Металл был холодным, но под кожей будто бы вспыхнуло слабое тепло.

– Ты должна понять одно, – сказал он наконец, обернувшись. – Силу не дают. Её разрешают себе принять. И если ты потеряешь контроль... последствия коснутся не только тебя.

В зале снова воцарилась тишина.

– Я готова, – произнесла она.

Гильберт некоторое время смотрел на неё, будто пытаясь прочесть её мысли.

– Хорошо. Но сначала – завтрак.

Аврил удивлённо подняла брови.

– Завтрак?

– Поверь, – спокойно ответил он, – тренироваться с браслетом времени на пустой желудок – плохая идея.

Он поднялся и жестом указал в сторону выхода.

– Пойдём.

Они прошли по нескольким длинным галереям дворца. Каменные арки тянулись одна за другой, окна пропускали холодный утренний свет, а где-то в глубине коридоров уже слышалась тихая жизнь дворца.

Когда они вошли в столовую, Аврил невольно замедлила шаг.

В воздухе витал аромат свежего хлеба, тёплого травяного чая. Слуги тихо двигались между длинными дубовыми столами, расставляя кувшины, чаши с мёдом и корзины с горячими булочками.

Свет из высоких окон падал на столы золотистыми полосами.

Гильберт сел и кивнул ей.

– Садись.

Она села напротив него.

– Я не думала, что здесь всё... так.

– Как?

– Живо.

Он слегка усмехнулся.

– Орден существует веками. Если бы мы жили только войной и тайнами, мы бы давно сошли с ума.

Некоторое время они ели молча. Но тишина между ними была не холодной – скорее напряжённой, как натянутая струна.

Аврил ловила себя на том, что иногда смотрит на него слишком долго.

А он – будто замечал это.

– Ты наблюдаешь, – сказал он вдруг.

Она вздрогнула.

– Пытаюсь понять, во что я ввязалась.

– Это разумно.

Он допил чай и поднялся.

– Теперь тренировка.

Аврил шагала по узкому коридору старинного особняка, который теперь стал её домом и тюрьмой одновременно. Каждое движение отдавалось лёгким эхом, словно само здание наблюдало за ней.

Гильберт шёл рядом, его лицо было серьёзным, а взгляд цепким.

– Твой браслет – твой личный ключ, – сказал Гильберт, слегка коснувшись её запястья. – Он не универсален. Каждый хранитель времени носит свой, но суть у них одна. Ты должна научиться управлять им. Не носить – контролировать.

Аврил посмотрела на браслет.

– Управлять? – переспросила она. – Я чувствую силу... но она словно вырывается наружу. Как вспышка. Как боль.

– Именно поэтому нужна тренировка, – ответил Гильберт. – Твоя сила связана со временем, с памятью и с тем, что ты пытаешься забыть.

Он остановился у окна.

– Ты не узнаешь, на что способна, пока не поймёшь цену.

– Начнём с простого, – сказал Гильберт. – Контроль потока. Мысленно направь энергию туда, где ощущаешь хаос. Не приказывай. Слушай.

Аврил глубоко вдохнула. Дождь усилился, и ей показалось, что время вокруг стало плотнее, почти вязким. Она сосредоточилась – и браслет откликнулся. Слабый импульс. Тонкое свечение.

– Хорошо, – тихо сказал Гильберт. – Первый шаг сделан. Но помни: любая ошибка здесь стоит слишком дорого.

Позже они шли по другому коридору – уже глубже во дворце. Этот путь был уже не жилым. Камень темнел, потолки становились ниже, а воздух – холоднее.

– Сегодня ты узнаешь правду о Динах, – сказал Гильберт. Его голос был ровным, но тяжёлым, как сталь. – О тех, кого ваша история называла мифами.

Аврил напряглась. Слово легенды всегда вызывало у неё внутренний холод.

Они остановились перед массивной дубовой дверью. Древнее дерево было покрыто резьбой: переплетающиеся круги, символы времени, знаки богов, имена которых будто старались стереть.

– Это библиотека тайного ордена хранителей, – сказал Гильберт. – Сердце дворца. Хранитель древних знаний и силы, способные управлять реальностью, законами времени и пространства.

Дверь открылась. Аврил замерла. Библиотека была огромной. Потолок терялся в темноте, поддерживаемый колоннами, украшенными резьбой XVI века. Высокие стеллажи ухо-

дили вверх на несколько этажей, заполненные книгами в кожаных переплётках, свитками, манускриптами, цепями прикованными к полкам.

Лестницы скользили вдоль стен, свечи горели ровно, не коптя, словно их пламя не подчинялось законам времени. Запах пыли, чернил и старой кожи был густым и почти священным.

– Здесь записано всё, что мир пытался забыть, – сказал Гильберт. – И всё, что ему ещё предстоит пережить.

По углам стояли статуи: фигуры существ с крыльями, вытянутыми лицами, переплетёнными с корнями и лианами. Они не выглядели мёртвыми.

– Кто такие Дины? – тихо спросила Аврил, сжимая кулон в руке.

Гильберт повернулся к ней. Его лицо оставалось спокойным, но тень в глазах сделала взгляд холодным, как лёд.

– Это не просто люди.

Аврил почувствовала, как по позвоночнику пробежал ледяной холод, а волосы на затылке зашевелились от страха.

– Боги? – выдавила она. – Но... это просто мифы, страшилки.

Гильберт покачал головой, медленно, как будто объяснял ребёнку истину, которая страшнее любой сказки.

– Нет, Аврил. Они реальны. И они ждут.

Он сделал шаг вперёд, и её взгляд скользнул по темным углам библиотеки, где тени казались живыми.

– Те, кто называет себя Динами, не просто ищут власть. Они служат этим сущностям, принимая дар... но за него приходится платить частью своей человечности. Их цель – не мир. Не порядок, который понимаем мы. Их порядок – лишь отражение воли их богов.

– Дины... это божественные избранные? – прошептала Аврил, ощущая, как дыхание срывается.

– Именно. – Гильберт медленно шагал между высокими стеллажами, и его голос эхом разносился под сводами, обвивая её, словно цепями. – Каждый иной. Один читает мысли так же легко, как ты читаешь текст. Другой движется быстрее пули – ты видишь лишь смазанную тень. Третий способен разорвать человека голыми руками, словно воплощение гнева. Четвёртый искажает пространство, пятый – время.

Аврил сглотнула, ощущая, как желудок сжимается.

– А мы? – спросила она, пытаясь удержать голос ровным.

– Мы – между, – сказал Гильберт. Его глаза обвели комнату. – Мы не служим богам. Мы держим равновесие.

Он остановился и посмотрел на неё пристально.

– Если Дины – это оружие богов, то хранители времени – это замки, которые ещё не сломались.

Аврил вновь оглядела библиотеку. Теперь это было не величие – теперь это была угроза, живое, скрытое зло, которое могло прорваться в любой момент.

– И они знают обо мне? – спросила она, почувствовав, как сердце колотится, словно готовое вырваться.

Гильберт не ответил сразу. Он прошёл несколько шагов, а потом спокойно сказал:

– Узнают. Вопрос только – когда.

Где-то в глубине библиотеки тихо щёлкнуло – словно кто-то скрытно переставил предмет. Аврил напряглась. В этом звуке она впервые услышала истину: этот дворец – не убежище. Это поле боя, растянутое во времени, где каждый шаг может стать последним, а каждая тень – врагом.

Гильберт медленно поднял руку Аврил и осторожно взял кулон. Его пальцы обвили холодный металл, а глаза резко сузились.

– Этот... – начал он, но не закончил фразу.

Аврил почувствовала, как внутри всё похолодело. Она уловила странное напряжение в его взгляде, будто кулон открывал перед ним что-то, что должно было оставаться тайной.

– Ты что-то скрываешь, – подумала она, сжимая кулак. – Он знает больше, чем говорит.

– Гильберт... – начала она, но слова застряли на губах. Хотела расспросить, раскрыть секрет, но не успела.

В этот момент дверь библиотеки резко распахнулась, и внутрь ворвались двое. Мужчина и женщина – их движения были быстрыми, точными, почти хищными. Мужчина был высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, собранными в жёсткий хвост. Его глаза сияли ледяной голубизной, а взгляд был пронизывающе холодным, словно клинок. Кожаная туника и плотные сапоги скрывали мускулы, а длинный плащ развевался за спиной, подчёркивая каждый шаг, словно он двигался в замедленном времени.

Женщина была гибкой, как кошка. Чёрные волосы обрамляли острое лицо с жёсткими чертами, глаза сверкали тёмным янтарём. На руках виднелись кожаные налокотники с металлическими вставками, а кинжал на бедре блеснул в свете факелов, когда она шагнула вперед. Её движения были точны и смертельно эффективны, словно она могла нанести удар ещё до того, как кто-то успеет пошевелиться.

– Адам и Лора, – представил их Гильберт, сдержанно кивнув. – Аврил, познакомься.

Аврил ощутила, как по коже пробежала дрожь. Холодная, смертельная энергия исходила от них, как будто они были не людьми, а живыми орудиями.

– Новый хранитель, – произнёс Адам, голос сухой и ровный, глаза едва задержались на ней. – Не впечатляет.

– Мы не обязаны быть дружелюбными, – добавила Лора, наклонив голову, а её взгляд был как лезвие, которое оценивает слабость.

– Это Аврил, – сказал Гильберт, сдерживая лёгкую улыбку. – Она теперь с нами.

Они холодно кивнули, не давая понять, согласны они или нет.

– Мы пришли с новостью, – произнёс Адам, шагнув вперёд, и в его голосе сквозила тревога. – Она не хорошая.

Гильберт кивнул, не спрашивая подробностей.

– Аврил, – сказал он спокойно, – вернись в покои. Ворон укажет путь.

Аврил с сомнением взглянула на Гильберта, на этих двух воинов-ассасинов, и почувствовала странное сочетание страха и любопытства. Мир, в который она попала, был опасным, жестоким... и безжалостно красивым.

Ворон спрыгнул с плеча Гильберта и поднялся в воздух, указывая путь в длинный коридор, ведущий к её покоям. Аврил сделала глубокий вдох и последовала за ним, ощущая на себе ледяные взгляды Адама и Лоры, которые словно следили за каждым её шагом.

Девушка быстро оказалась на месте, закрыла дверь за собой и оперлась спиной о массивную древесину. На кровати, где она уже сидела, кулон блеснул в её ладони. Она крутила его пальцами, пытаясь понять, что в нём особенного, и почему Гильберт так резко отреагировал.

– Он что-то скрывает, – прошептала она сама себе, ощущая холодок сомнения, ползущий по спине. – Что именно?

Она понимала, что нельзя спешить, нельзя пытаться сразу разгадать все тайны. Всё должно происходить медленно, постепенно открываясь, как лабиринт, в котором каждая дверь ведёт к ещё большей загадке.

Ворон снова спрыгнул с подоконника и сел рядом на край кровати. Его взгляд был настроенным, но каким-то образом успокаивающим. Она провела пальцами по его мягкому оперению, чувствуя, как разум постепенно успокаивается, хотя напряжение не исчезало полностью. Постепенно мир вокруг неё начал рассеиваться в полумрак сна. Она погрузилась в него, не чувствуя ни времени, ни пространства.

Глава 5

Аврил стояла в подземелье, сердце колотилось, ладони вспотели. Воздух был тяжёлым, пропитанным магией, и каждый звук отдавался эхом, словно сама земля наблюдала за ней.

– Сегодня ты научишься управлять силой, которую Дины хотят использовать против нас, – сказал Гильберт, его голос был ровным, но напряжённым.

Тень в углу дрогнула, и из неё появился ворон. Но он изменился на глазах Аврил: тело птицы вытянулось, становясь существом между человеком и тенью. Длинные конечности дрожали в полумраке, кожа была чёрной, словно ночь, а глаза горели холодным огнём древней мудрости. Его крылья едва колыхались, словно ощущали поток энергии в подземелье.

Аврил отступила, потрясённая. Ранее этот ворон тихо помогал ей, всегда появляясь в нужный момент, но она не подозревала, кто он на самом деле.

– Это... тот ворон? – выдохнула она, не веря своим глазам.

Гильберт подошёл к ней, его лицо оставалось спокойным.

– Да, – сказал он мягко. – Он помогал тебе раньше, но его истинное имя – Саун. Он твой наставник. И сейчас ты видишь его настоящую форму.

Аврил шагнула назад, пытаясь осознать происходящее.

– Наставник? Но... он всегда был только птицей...

– Он выбирает форму, удобную для наблюдения, – пояснил Гильберт. – Но сейчас он здесь, чтобы научить тебя контролировать силу, которой Дины жаждут. Если они захватят тебя и браслеты, смогут переписать прошлое и освободить силу древних богов, которую даже мы до конца не понимаем.

Аврил сжала зубы. Ладони зажглись внутренним жаром. Она вспомнила записи, которые читала о браслетах – семь ключей к путешествиям во времени, которые Дины хотят собрать любой ценой.

– Начнём, – сказал Саун, и воздух вокруг них начал дрожать. Энергия потянулась к Аврил, будто сама комната реагировала на её силу.

Она подняла руку, и из пальцев вырвались токовые волны. Они ударили по стенам, столбам, вибрировали и оставляли светящийся след.

– Отлично, – сказал Саун. – Но помни: сила без контроля разрушает не только врагов, но и тебя саму. Дины почувствуют каждое её проявление.

Аврил ощутила боль, как будто невидимые тиски сжимали тело. Но она не отступила. С каждым разом она училась направлять силу, удерживать её внутри себя и создавать защитный барьер.

– Ты должна быть быстрее, – добавил Гильберт. – Дины используют теней, которые придут за тобой. Они хотят завладеть тобой и браслетами, чтобы переписать историю. Если ты не научишься контролировать свою силу, никто не спасёт тебя.

Саун расправил крылья, и подземелье наполнилось лёгким шелестом, словно сама тьма дышала вместе с Аврил. Она почувствовала, что её тело реагирует на малейший сигнал энергии. Она могла слышать тиканье времени, ощущать потоки прошлого и будущего – впервые в жизни она ощущала себя проводником силы, которую боятся даже Дины.

– Это только начало, – сказал Саун, глаза его горели холодным огнём. – Каждый урок будет сложнее. Каждый шаг к силе – шаг к боли. Но если ты хочешь защитить браслеты и себя, ты должна идти дальше.

Аврил взглянула на Гильберта и Сауна. Она впервые поняла, что сила – это не просто энергия. Это оружие, щит и испытание одновременно. И если Дины придут за ней, она будет готова встретить их лицом к лицу.

Дни во дворце перестали различаться. Утро начиналось со звона стали.

Каждый рассвет приносил один и тот же холодный воздух тренировочного двора, запах мокрого камня и глухие удары клинков, разрезающих пространство. Каменные стены дворца поднимались вокруг двора, словно древняя крепость, и эхо ударов возвращалось к ним снова и снова, будто сами стены наблюдали за каждым движением.

Аврил стояла на тренировочной площадке, сжимая в руках меч, который был тяжелее любого пистолета, к которому она привыкла. Лезвие дрожало, отражая холодный утренний свет, а ладони болели – не от слабости, от непривычки. Рукоять скользила в пальцах, и ей приходилось сжимать её сильнее, чем хотелось.

Она привыкла к оружию. Но это было другим. Меч требовал не точности – он требовал присутствия. Тела. Силы. Близости.

– Ты держишь его, как оружие дальнего боя, – сказал Лоте, наблюдая со стороны.

Он стоял у края площадки, сложив руки за спиной. Его спокойный голос резко контрастировал с напряжением тренировочного двора.

– Меч – это продолжение тела. Не целься. Двигайся.

Аврил выдохнула и сделала шаг назад, пытаясь перехватить баланс.

– Я бывшая полицейская, – выдохнула Аврил, отступая. – Я привыкла, что между мной и противником есть расстояние. Пистолет.

Лоте чуть наклонил голову.

– Здесь расстояние – роскошь, – спокойно ответил он.

Он подошёл ближе и легко поправил её стойку. Его рука на мгновение коснулась её плеча – уверенно, но мягко.

– Не напрягайся так, – тихо добавил он. – Меч чувствует это.

Лоте был спокойным. В нём было что-то надёжное, почти человеческое – в отличие от многих других в этом дворце.

Несколько хранителей у стены переглянулись.

Мечи, клинки, короткие кинжалы.

Каждый день приносил новое оружие. Каждый день – новую боль.

Арбалет – тяжёлый, медленный, раздражающий. Она возненавидела его почти сразу. Стрелы летели не туда, плечо ныло, а перезарядка казалась вечностью.

– Это не моё, – процедила она, опуская арбалет.

– И не будет, – вмешалась Имилия, стоявшая у деревянной стойки с оружием. – Не всё оружие должно быть твоим.

Зато рукопашный бой давался иначе.

Тело помнило. Удары, захваты, уходы. Она двигалась быстро, резко, без колебаний. Здесь не было сомнений – только рефлекс и холодный расчёт.

Лоте наблюдал за этим с интересом.

И лишь однажды остановил тренировку.

– Вот это – твоё.

Аврил тяжело дышала, стряхивая волосы со лба.

И именно в этот момент она почувствовала взгляд.

Тяжёлый. Пристальный.

Она повернулась.

Гильберт стоял у каменной арки, ведущей во двор. Он появился так тихо, что никто не заметил, когда именно. Его руки были скрещены на груди, а взгляд внимательно скользил по каждому её движению.

Она не знала почему, но сердце вдруг забилось быстрее...

Позже, она училась чувствовать браслет. Он не подчинялся сразу. Реагировал на страх, на злость, на желание выжить. Иногда – на воспоминания. Время вокруг будто дышало. Иногда оно замирало, иногда тянулось, словно густая смола. Иногда – отзывалось резкой болью в висках.

– Не дави, – сказал Гильберт, когда она в очередной раз едва не упала.

Он появился, как всегда, беззвучно. Слишком близко.

– Он не инструмент.

Аврил подняла голову.

– А что тогда? – зло спросила она.

– Связь.

Она посмотрела на него пристально. Он стоял совсем рядом.

– Ты давно здесь?

Он не ответил.

– Лоте сказал, что вы живёте вечно, – продолжила Аврил. – Но никто не говорит, сколько именно.

Гильберт застыл на мгновение.

– Достаточно долго, чтобы видеть, как мир умирает и рождается снова.

– Это не ответ.

Он медленно выдохнул.

– Более двухсот лет, – сказал он наконец и отвернулся. – Остальное не имеет значения.

У Аврил перехватило дыхание.

– Ты выглядишь... – она замолчала.

– Как человек, – закончил он. – Я знаю.

Он посмотрел на неё ещё раз. И вдруг сказал:

– Возьми меч.

Аврил нахмурилась.

– Сейчас?

– Сейчас.

Он снял один из тренировочных клинков со стойки. Сталь тихо зазвенела. Хранители у стены замолчали. Все понимали, что происходит.

– Ты же не серьёзно, – сказала Аврил.

Гильберт лишь слегка повернул клинок.

– Нападай.

Она шагнула вперёд. Первый удар был быстрым. Он отбил его почти лениво. Сталь ударилась о сталь. Звук разнёсся по двору. Второй удар – сильнее. Он снова блокировал. И вдруг двинулся. Быстро. Слишком быстро. Её клинок выбило из линии. Она отступила. Он уже был рядом. Мечи скрестились. И на долю секунды они оказались почти вплотную. Его рука резко перехватила её запястье. Горячая. Сильная. Её дыхание сбилось.

– Ты думаешь, – тихо сказал он у самого её уха, – что бой – это сила?

Она попыталась вырваться. Он не позволил. Одним движением развернул её. Клинок выбил из её руки. Меч со звоном упал на камень. Гильберт резко прижал её к стене тренировочного двора. Сталь его клинка остановилась у её горла. Она тяжело дышала. Он тоже. И на одно мгновение бой перестал быть боем. Их лица были слишком близко. Её пальцы всё ещё были в его руке. Она чувствовала тепло его ладони. И напряжение между ними стало почти ощутимым. Во дворе стояла тишина. Все видели это. Имилия чуть прищурилась. Лоте молчал. Но его взгляд на мгновение задержался на них слишком долго.

Гильберт медленно опустил меч.

– Ты проиграла.

Аврил смотрела на него, всё ещё пытаясь восстановить дыхание.

– Жёстко, – сказала она.

На его губах появилась тень улыбки.

– Это была мягкая версия.

Он отпустил её руку. Но тепло его пальцев будто осталось на её коже.

Вечером она вернулась в свои покои, усталая, с разбитыми костяшками и кровью на рукаве – тренировочной, но всё равно настоящей.

Ворон ждал её.

Он сидел на спинке кресла, будто всегда был здесь.

– Ну что, – тихо сказала Аврил, закрывая дверь. – Я теперь бессмертная. Поздравишь?

Ворон наклонил голову.

– Ты всё ещё думаешь, что это дар, – хрипло каркнул он.

– А ты всё ещё не отвечаешь прямо.

– Потому что ты ещё не задала правильный вопрос.

Она подошла к окну, глядя в темноту.

– Скажи честно. Я уже не человек?

Ворон долго молчал.

– Ты – выбор, – сказал он наконец. – А выборы всегда платят цену.

Аврил сжала браслет на запястье. Он был тёплым. Живым.

Она осталась в комнате одна – но впервые поняла: одиночества здесь не будет никогда. Время смотрело на неё. И ждало следующего шага.

Глава 6

Мир динов не знал тишины.

Она была для них слабостью – такой же, как сожаление или милосердие. Здесь не молились богам вслух и не называли имён без причины. Здесь выживали.

Округ Сен-Флур утопал в тумане. Он поднимался от земли даже днём, цеплялся за крыши, проникал в окна, скользил по узким улицам, будто сам город был живым существом с большими лёгкими. Запах гнили, дыма и крови был привычен.

В самом сердце округа стояла таверна «Чёрный шип». Низкое здание с покосившейся вывеской, где свет всегда был приглушён, а двери – открыты.

Внутри было шумно.

Деревянные столы липли от пролитого вина, по полу тянулись тёмные следы – никто не задавался вопросом, что именно их оставило. Смех здесь был грубым, коротким, больше похожим на лай.

– Ещё! – рявкнул один из мужчин, с силой ударив кружкой по столу.

– Ты и так уже не стоишь на ногах, – усмехнулся другой.

– А мне и не надо, – ответил первый и вдруг резко схватил собеседника за горло.

Тот захрипел.

Сидящие рядом даже не обернулись.

– Хватит.

Голос был спокойным. Низким.

Хватка исчезла.

Все взгляды обратились к мужчине, сидящему в тени у дальней стены.

Фрери.

Он не пил. Перед ним стояла нетронутая кружка. Его массивная фигура казалась слишком большой для скамьи, на которой он сидел. Мускулы под кожей двигались, словно что-то внутри него никогда не спало.

– Мы не в логове, – продолжил он. – Пока.

– Ты всегда такой осторожный, – хмыкнул телепат, сидевший рядом. Его глаза были мутными, словно он смотрел не на людей, а сквозь них. – Хранители всё равно придут.

Фрери медленно улыбнулся.

– Именно поэтому я и спокоен.

Дины были разными.

Один двигался так быстро, что его невозможно было разглядеть – он появлялся и исчезал между ударами сердца. Другой слышал мысли, как шёпот под кожей. Третий мог ломать кости, даже не касаясь жертвы. Их способности не были даром – они были платой.

– Город снова наш, – сказал быстрый, присаживаясь на край стола. – Два квартала вычищены. Хранителей не было.

– Будут, – ответил Фрери. – Они всегда приходят, когда становится слишком грязно.

– Или когда боятся, – добавил телепат.

Фрери встал.

Пол под его ногами скрипнул.

– Они называют нас чудовищами, – сказал он. – А сами прячутся за правилами и браслетами. Мы берём силу честно.

– Через кровь, – усмехнулся кто-то.

– Через боль, – поправил Фрери. – Кровь – это всего лишь след.

Он подошёл к окну. Снаружи туман клубился плотнее.

– Наши боги не просят молитв, – продолжил он. – Им нужна энергия. Страх. Отчаяние. Людское горе.

– А браслеты? – спросил быстрый. – Они действительно стоят того?

Фрери обернулся.

– С семьёю браслетами мы станем временем.

В таверне повисла тишина.

– Не хранителями, – добавил он. – А хозяевами.

Телепат улыбнулся.

– Тогда приведите мне девушку.

– Какую девушку? – нахмурился кто-то.

– Ту, что пережила перемещение без подготовки, – ответил он. – Ту, о которой шепчет само время.

Фрери сжал кулак.

Деревянная стойка треснула под его рукой.

– Аврил, – произнёс он медленно. – Она либо встанет рядом со мной...

Он замолчал.

– ...либо станет началом конца для хранителей.

Снаружи раздался крик.

Где-то в тумане начиналась очередная ночь Сен-Флура.

И дины выходили на охоту...

Ночь приняла их без сопротивления.

Туман Сен-Флура расступался перед динам, словно узнавал хозяев. Фрери шёл первым – не скрываясь, не ускоряя шаг. Его присутствие ощущалось кожей, как давление перед бурей.

– Три цели, – тихо сказал телепат, прикрывая глаза. – Семья. Торговец. И один... любопытный.

– Любопытство всегда смертельно, – ответил Фрери.

Быстрый исчез – просто растворился между двумя фонарями. Через миг откуда-то справа донёсся короткий вскрик, тут же захлебнувшийся.

– Чисто, – раздался голос из темноты.

Они двинулись дальше.

Двор был узким, зажатым между домами. Из окна второго этажа лился слабый свет. Женский голос напевал колыбельную.

Фрери остановился.

– Не здесь.

– Но энергия... – начал кто-то.

– Я сказал – не здесь.

Слова не требовали повтора.

Они свернули к рынку. Там туман был гуще, запахи – резче. Лавки уже закрывались, но один торговец всё ещё возился с ящиками, спотыкаясь от усталости.

– Поздно, – сказал быстрый, возникнув у него за спиной так внезапно, что воздух словно хлопнул.

Торговец обернулся, рот открылся для крика – и захлопнулся.

Быстрый ударил не кулаком. Ладонью. Точно в висок. Движение было настолько быстрым, что кровь появилась уже после того, как тело упало.

Мужчина рухнул на колени, будто хотел молиться, но не успел. Его взгляд стекленел, дыхание оборвалось.

Телепат поморщился.

– Слишком чисто, – пробормотал он. – Город не насытится.

Фрери сделал шаг вперёд.

– Тогда – я.

Он положил руку на грудь умирающего. Не сжал – надавил. Воздух вокруг дрогнул. Кости хрустнули глухо, будто ломали сухое дерево под водой. Торговец захрипел, выгнулся и обмяк.

Тишина стала плотнее.

Фрери убрал руку и выпрямился.

– Теперь достаточно.

Он чувствовал, как энергия поднимается, как улицы откликаются болью. Это было похоже на тепло под кожей.

– Они придут, – снова сказал телепат. – Хранители.

– Пусть, – ответил Фрери. – Каждая охота – это приглашение.

– А девушка?

Фрери остановился и впервые за ночь улыбнулся по-настоящему.

– Её не трогать.

– Почему?

– Потому что она – ключ. И ключи не ломают.

Вдалеке раздался колокол. Город просыпался от кошмара, который сам же и породил.

Дины исчезли так же тихо, как появились. А Сен-Флур запомнил эту ночь. Запомнил кровь на камне. И ещё одну причину бояться времени.

Глава 7

Прошло три месяца с тех пор, как Аврил начала своё обучение. В библиотеке ордена Хранителей времени, она проводила часы, изучая старинные книги и свитки о семи браслетах, их истории и законах времени. Каждое открытие давало новые знания, но вместе с ними росло понимание того, как опасны её враги – Дины.

Саун был рядом почти каждый день. Иногда он появлялся в виде ворона, тихо наблюдая, иногда – в своей истинной форме: существо между человеком и тенью с глазами, полными древней мудрости и холодного огня. Он помогал Аврил направлять токовые волны, чувствовать потоки энергии и контролировать силу.

Гильберт навещал их регулярно. Он проверял её прогресс, давал советы и молчаливо наблюдал, позволяя ей самой делать открытия, но периодически предупреждал о скрытых опасностях.

Однажды Аврил заметила массивную дубовую дверь в дальнем конце библиотеки. На ней вырезаны странные символы, почти стёртые временем. Едва различимая надпись гласила: «Запретные залы».

Её сердце застучало быстрее. Что скрыто за этой дверью? Она почувствовала холодок, пробежавший по позвоночнику – странный, почти живой ужас, который словно шептал: «Не иди сюда».

– Аврил, – сказал Гильберт, когда заметил её взгляд, – туда нельзя. Ни один Хранитель не входит в эти залы без крайней необходимости. Они хранят тайны, которые неподготовленного человека могут сломать.

Она взглянула на дверь, её глаза загорелись любопытством, но внутри что-то подсказывало, что здесь есть настоящая тьма. Стены будто дышали, а воздух был густым и холодным, наполненным шёпотом, который казался слышимым лишь ей.

– Мне нужно туда заглянуть... – прошептала она, но Гильберт мягко положил руку на её плечо.

– Нет, – сказал он твёрдо, – не сейчас. Там сила и знания, которые могут быть опасны для тебя. Если ты войдёшь неподготовленной, они могут поглотить тебя.

Аврил кивнула, сдерживая дрожь, но в её глазах блеснула решимость. Она знала, что вернётся туда одна, когда будет готова. Это чувство не покидало её – шепот запретных залов продолжал звучать в голове.

Гильберт же, словно предугадав её мысли, повернулся к ней и сказал серьёзно:

– У нас есть другое задание, ещё более важное. Ты должна быть готова. Мы отправимся вместе в другое время – в XVI век. Там многое зависит от тебя. От того, что ты узнаешь и как воспользуешься силой.

Аврил глубоко вдохнула. Предстоящая миссия пугала её, но она чувствовала, что знания и сила, полученные в библиотеке, а также её тренировки с Сауном, подготовили её к этому. Она знала: впереди будут опасности, тайны и встреча с врагом, но теперь у неё была цель – защитить браслеты и себя, даже если путь ведёт сквозь время.

И где-то в глубине сознания, среди шёпота запретных залов, Аврил уже задумала, что когда-нибудь вернётся туда одна.

В ту же ночь Гильберт пришёл к ней без предупреждения. Не как наставник – как командир.

В его взгляде не было привычной мягкой наблюдательности. В нём была сосредоточенность.

– Мы выдвигаемся, – сказал он тихо, но без возможности отказаться. – Южное селение, у границы леса. Три семьи исчезли за последние две недели. Ни тел, ни следов. Только тени.

Аврил почувствовала, как внутри что-то холодно сжалось.

– Дины?

– Мы не уверены. И это хуже.

Через час они были в дороге. С ними отправились Лоте и Имилия. Саун не летел рядом, но Аврил чувствовала его присутствие – как тёмное облако за спиной, которое не даёт расслабиться.

Селение оказалось меньше, чем она ожидала. Несколько десятков домов, прижатых друг к другу, будто люди пытались согреться самим присутствием соседей. В воздухе стоял запах сырой земли и дыма.

Но было слишком тихо. Не обычная ночная тишина. А та, в которой что-то уже случилось. Когда они вошли на главную улицу, Аврил заметила первое. Тени. Они не соответствовали источникам света.

Факел горел у двери одного из домов, но тень от него тянулась не в сторону стены – а внутрь дверного проёма, словно её втягивали.

– Они уже здесь, – прошептала Имилия.

Гильберт поднял руку, давая знак разделиться. Аврил двинулась вдоль ряда домов. Дверь одного из них была приоткрыта. Внутри пахло железом.

Она вошла осторожно, удерживая браслет под контролем. Металл на запястье начал нагреваться, реагируя не на страх, а на искажение.

В комнате сидела женщина.

Живая.

Её глаза были открыты, но взгляд был пустым, словно что-то выжгло внутри всё, кроме оболочки. На полу у её ног лежал мальчик лет шести. Он дышал, но не просыпался.

– Что произошло? – тихо спросила Аврил, присаживаясь рядом.

Женщина медленно повернула голову.

– Они не вошли, – прошептала она. – Они... вытекли.

У Аврил по спине пробежал холод.

– Кто?

Женщина подняла руку и указала на угол комнаты. Там, где стена встречалась с потолком, тень была гуще остальных. И она двигалась. Не как пламя. Не как дым. А как существо, которое не спешит. Браслет вспыхнул.

Аврил поднялась, чувствуя, как внутри поднимается энергия – не резкая, а вязкая, будто сама реальность сопротивляется её присутствию.

Тень медленно отделилась от стены. Она не имела формы. Но в ней угадывались очертания – вытянутые, искажённые, будто кто-то пытался вспомнить, как выглядит человек.

В этот момент в комнату ворвался Лоте.

– Не подпускай её к мальчику! – крикнул он.

Тень рванулась вперёд не быстро, но неотвратимо. Она не атаковала. Она тянулась к дыханию ребёнка.

Аврил шагнула между ними.

Браслет на её руке загудел, и пространство вокруг неё будто сжалось. Она не выпускала энергию наружу, как учил Саун. Она удерживала её, создавая плотность, барьер.

Тень коснулась этой невидимой границы – и завибрировала.

В голове Аврил вспыхнули образы. Не её воспоминания. Чужие.

Голод. Не физический. Голод по страху, по разрыву, по трещине в душе. Она поняла – это не Дин. Это след. Остаточная энергия после их ритуала.

– Они учатся, – выдохнула она.

Лоте обнажил клинок, но Гильберт, появившийся в дверях, остановил его жестом.

– Нет. Это её испытание.

Аврил услышала это и почувствовала раздражение. Это не было тренировкой. Здесь был ребёнок.

Тень усилилась. Она начала проникать в её сознание, показывая картины – сожжённые дома, кричащих людей, сломанное время.

– Они не злые, – прошептала она неожиданно для себя. – Они... голодные.

– Аврил! – голос Гильберта прозвучал резче, чем она когда-либо слышала.

Она сделала выбор. Не уничтожить. Не изгнать. Она сосредоточилась и направила энергию не как удар, а как уплотнение времени – возвращая тень к тому моменту, где она ещё не отделилась.

Пространство в углу комнаты дрогнуло. На секунду показалось, что стена стала прозрачной, и за ней – туман, густой и живой. Тень втянулась обратно, словно кто-то с той стороны передумал. Комната стала обычной. Женщина заплакала. Мальчик резко вдохнул и зашевелился. Аврил опустилась на колени. Руки дрожали не от усталости – от осознания.

Когда они вышли из дома, Гильберт смотрел на неё иначе.

– Ты не уничтожила её, – сказал он тихо.

– Она не была врагом, – ответила Аврил. – Она была следствием.

В его глазах мелькнуло нечто сложное.

– В этом и разница между нами, – произнёс он.

Она почувствовала, что это не похвала.

Когда они покидали селение, туман начал рассеиваться.

Но Аврил знала – это было предупреждение. Дины больше не просто убивали. Они оставляли после себя разрывы. И эти разрывы учились жить самостоятельно.

Подготовка заняла несколько часов.

Аврил стояла в узкой каменной комнате, больше похожей на келью, чем на гардеробную. Стены были холодными, влажными, а вдоль них горели свечи, отражаясь в металлических поверхностях браслетов, разложенных на массивном столе. Воздух был пропитан запахом воска, старых тканей и горького настоя – им хранители обрабатывали кожу перед перемещением, чтобы тело легче приняло другую эпоху.

– Это необходимо, – сухо сказала женщина – Время отторгает неподготовленных.

Аврил молча кивнула.

С неё сняли современную одежду. Вместо неё надели тяжёлое платье тёмно-бордового цвета, с плотным корсажем и длинными рукавами. Под ним – грубая льняная рубаша, стянутая у горла шнурком. Юбка шуршала при каждом шаге, словно напоминая: ты больше не принадлежишь своему времени.

Гильберт стоял у стены, наблюдая молча.

– Если станет плохо – не сопротивляйся, – сказал он наконец. – Время не любит, когда с ним спорят.

– А ты? – Аврил подняла на него взгляд. – Ты когда-нибудь сопротивлялся?

Он едва заметно усмехнулся.

– Один раз. Больше не повторял.

Её волосы заплели и убрали под тёмный платок. На шею повесили простой медальон – без знаков и символов.

– Он скроет тебя от лишних взглядов, – пояснил Гильберт. – Ненадолго.

Браслет Аврил положили на каменную плиту.

Гильберт подошёл ближе.

– Смотри внимательно, – сказал он.

Он повернул синий камень. Цифры внутри ожили, медленно выстраиваясь в последовательность: 16 • 10 • 1564

– Шестнадцатый век, – произнёс Гильберт. – Франция. Земли графа Пилберга.

– А если я ошибусь? – тихо спросила Аврил.

– Тогда ты окажешься не во времени, – ответил он. – А между.

Он аккуратно застегнул браслет на её запястье. Его пальцы задержались на коже чуть дольше, чем было нужно.

– Готова? – спросил он.

Аврил глубоко вдохнула.

– Нет. Но это ничего не меняет.

Гильберт кивнул.

– Именно.

Символы на браслете вспыхнули. И мир начал отступать.

Замок графа Пилберга возник из тумана, словно его выдохнули сами холмы.

Он стоял выше дороги, отрезанный от мира узким серпантинном, по которому медленно тянулась карета. Колёса скрипели так, будто жаловались. Лошади шли нехотя – их бока были покрыты холодным потом, а ноздри раздувались от запаха старой крови.

– Они чувствуют, – тихо сказал Гильберт, глядя на животных. – Здесь не любят живых.

Аврил сжала плащ у горла.

– Это место... – она замолчала, подбирая слова. – Оно словно смотрит.

Гильберт бросил на неё быстрый взгляд.

– Пилберг не терпит слабости. Даже в гостях.

Ворота распахнулись сами.

Железо скрипнуло, как кость под ножом.

Внутри замка воздух был холоднее, чем снаружи. Факелы горели неровно, отбрасывая тени, которые двигались не в такт пламени. Каменные стены были исписаны символами – одни Аврил узнала по библиотеке Ордена, другие резали взгляд своей неправильностью.

– Здесь держат заключённых, – сказал Гильберт, когда они проходили по коридору с тяжёлыми дверями. – Тех, кого нельзя убить.

Из-за одной двери донёсся шёпот. Из другой – глухой смех. Где-то глубже послышался влажный звук, будто кто-то медленно пил.

Аврил остановилась.

– Ты это слышал?

– Да, – ответил он. – Не смотри.

Но она посмотрела.

В проёме приоткрытой двери висела фигура, закованная в цепи. Глаза существа были пустыми, рот – растянут в беззвучном крике. По каменному полу тянулись тёмные следы.

– Дины? – шепнула она.

– Не только, – ответил Гильберт. – Здесь есть те, кого создали раньше.

В тронном зале их уже ждали.

Граф Пилберг сидел на высоком кресле, вырезанном из чёрного камня. Его кожа была бледной, почти прозрачной, губы – слишком тёмными, а глаза отражали свет факелов, как у хищника. Он улыбался, обнажая клыки.

– Хранители времени, – произнёс он мягко. – И гостья.

Аврил почувствовала, как браслет нагрелся.

– Вы похожи на вампира, – сказала она прежде, чем успела подумать.

Пилберг рассмеялся – тихо, приятно.

– Я – историк, – поправил он. – Я просто предпочитаю... долгую жизнь.

– Вы держите здесь живых людей, – вмешался Гильберт.

– Я берегу баланс, – ответил граф. – Они – плата.

Он поднялся.

Тени за его спиной зашевелились.

– Дины усиливаются, – продолжил Пилберг. – А ваши браслеты слабеют. Вы пришли за моим инструментом.

Он щёлкнул пальцами.

Слуга вынес устройство – металлический цилиндр, покрытый рунами.

– Изолятор, – сказал Пилберг. – Он гасит способности. Даже у динов.

– Цена? – спросил Гильберт.

Граф посмотрел на Аврил.

– Она.

Тишина упала тяжёлым покрывалом.

– Нет, – сказал Гильберт.

Пилберг улыбнулся шире.

– Тогда заберите его силой.

Аврил почувствовала, как страх поднимается волной – и как браслет отвечает ему теплом.

– Уходим, – резко сказал Гильберт, хватая её за руку.

Коридор внезапно содрогнулся.

Из глубины замка раздался низкий звук – не крик, не рёв, а будто тяжёлый вдох самого здания. Каменные стены дрогнули, факелы затрепетали, тени вытянулись и поползли по полу.

– Поздно, – тихо сказал Гильберт.

Он резко развернулся, схватил Аврил за плечи и толкнул в сторону бокового прохода.

– Стой здесь. Не выходи. Что бы ни услышала – не выходи, – сказал он быстро и жёстко.

– Гильберт, что ты—

Он не дал ей договорить.

Одним движением он откинул её за массивную дверь, и та захлопнулась с глухим, окончательным звуком. Металлический засов сам собой встал на место.

Аврил ударилась спиной о холодный камень и замерла в просторном холле. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в соседних залах.

А потом раздался звук удара.

Сильного. Нечеловеческого.

Замок взревел.

Из-за дверей доносились глухие толчки, треск камня, звон цепей. Воздух задрожал, словно что-то огромное двигалось совсем рядом. Затем – короткий, хищный смех Пилберга.

– Ты всегда был слишком живым, хранитель...

Ответа Аврил не услышала – только ещё один удар, от которого с потолка посыпалась пыль.

Она прижалась к стене, сжимая браслет. Камень на нём пульсировал, но она не решалась использовать его. Каждая секунда тянулась, как вечность.

Запах крови проник под дверь раньше, чем шаги.

Когда дверь распахнулась, Аврил вздрогнула.

Гильберт стоял на пороге.

Его плащ был разорван. Руки – в крови, не только своей. По щеке тянулась тёмная полоса, дыхание было неровным, но взгляд – ясным. Слишком спокойным для того, что только что произошло.

В его руке был предмет, за которым они пришли.

Металлическое устройство, покрытое рунами, слабо мерцало, словно ещё помнило чужую силу.

– Пора, – сказал он тихо.

Аврил смотрела на него, не в силах отвести взгляд.

– Ты... – голос сорвался. – Ты его?..

Гильберт не ответил.

Он лишь перехватил её руку, крепко, почти болезненно, и повёл прочь.

Где-то в глубине замка раздался медленный, насмешливый аплодисмент.

Возвращение в орден было резким.

Мир не расступился – он словно сломался. Их выкинуло обратно в зал перемещений. Каменный пол под ногами появился внезапно, холодный и твёрдый, а воздух пахнул сыростью и гниющим дыханием древнего замка Пилберга. Он был острым, как лезвие, и вызывал дрожь по всему телу.

Аврил пошатнулась, но удержалась на ногах.

Гильберт отпустил её руку только тогда, когда убедился, что она стоит. Его плащ был разорван, рукава пропитаны кровью – чужой и своей собственной. Он медленно снял плащ и бросил его на каменный пол, словно тот больше не имел значения.

В зале не было никого.

Только тишина. И слабое эхо их собственных дыханий, звучащее слишком громко.

– Мы... одни? – тихо спросила Аврил, голос дрожал.

– Да, – ответил Гильберт.

Он подошёл к столу и положил на него металлический цилиндр. Руны на его поверхности вспыхнули слабо, а потом погасли, будто артефакт сопротивлялся возвращению.

Аврил не смотрела на устройство. Она смотрела на Гильберта.

На кровь, засохшую на его пальцах. На царапины на лице. На слишком спокойный, знакомый взгляд.

– Ты знал, – сказала она. Это был не вопрос.

– Да.

– И всё равно взял меня с собой.

Он не отвёл взгляда.

– Потому что иначе ты бы пошла сама. Позже. И без защиты.

Она сглотнула, ощущая тяжесть происходящего.

– Ты сражался с ним?

– Да.

– И он...

Гильберт перебил её холодным, ровным тоном:

– Жив.

Это слово повисло между ними, тяжёлое и опасное, будто было наполнено кровью и страхом.

– Тогда зачем? – спросила Аврил, голос дрожал. – Зачем было рисковать?

Он посмотрел на артефакт.

– Потому что Пилберг знает слишком много. И потому что он не отдаёт ничего без крови.

Её охватила дрожь – запоздалая, глубокая, как будто страх пробивался сквозь кости.

– Ты был... другим, – тихо сказала она, – там, в замке.

Он медленно выдохнул.

– Там я был собой.

Эти слова заставили её сердце сжаться от ужаса сильнее, чем любая битва.

Они молчали. Время будто снова застыло – не подчиняясь браслетам, а просто наблюдая, следя.

– Ты не должна была это видеть, – наконец сказал он.

– Но увидела.

– Да.

Он подошёл ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

– И теперь ты понимаешь, почему хранители не ходят в такие места в одиночку.

– Ты ходишь, – ответила она.

– Я – исключение.

– Или ошибка, – прошептала Аврил.

Он усмехнулся – без веселья, без тепла.

– Возможно.

Она отвернулась, сжимая браслет. Камень был холодным, почти мёртвым.

– Он нас не отпустит, – сказала она, почти шёпотом. – Граф.

– Нет.

– И дины...

– Тоже нет.

Он сделал шаг назад.

– Отдохни. То, что ты почувствуешь ночью, – нормально.

– Кошмары?

– Воспоминания, – поправил он.

Он уже собирался уйти, когда она сказала:

– Гильберт.

Он обернулся.

– Я боюсь тебя.

Он долго смотрел на неё. Потом кивнул.

– Это правильно.

Дверь закрылась.

Аврил осталась одна. Но чувство одиночества было обманчивым. Где-то в глубине времени кто-то всё ещё был жив. И помнил их.

Она села на пол, спиной к холодной стене, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось, мышцы дрожали, а энергия, которую она потратила на перемещение во времени, покинула её тело. Аврил почувствовала, как мир вокруг начинает растворяться, как будто тьма медленно втягивает её в себя. Её глаза смыкались сами собой, руки отпускали браслет, тело не слушалось.

Последнее, что она услышала, прежде чем сознание окончательно покинуло её, – тихое эхо собственного дыхания и медленное, хладнокровное карканье ворона.

Аврил очнулась с криком.

Зал был тёмный, неподвижный, тихий. Сердце колотилось так, будто она всё ещё бежала.

Она села, сжимая кулон в руке, и не сразу поняла, где находится.

Запах. Кровь. Камень.

Она закрыла глаза – но стало только хуже.

Ей снился замок Пилберга. Коридоры, которые сужались, тени, липкие, как живые. Смех. Медленный, довольный. И Гильберт – стоящий в крови, слишком спокойный, слишком точный.

Она поняла: это был не просто сон.

Это было воспоминание, которое не принадлежало ей.

Она встала, подошла к окну. За стеклом – ночь, пустота, редкие огни. Дом Ордена спал, но Аврил чувствовала: за ней наблюдают. Не хранители. Не дины.

Кто-то другой. Она не успела обернуться. Первый удар был глухим – по плечу. Второй – резким, в ребра. Аврил отлетела к стене, задыхаясь. Два силуэта возникли из тени, быстрые, молчаливые.

– Не кричи, – прошипел один.

Она не успела. Движение – почти незаметное.

Гильберт появился между ними так, будто вышел из самой тьмы. В его руке был узкий металлический предмет – не нож, не клинок. Что-то проще. Опаснее. Он действовал без коле-

баний. Первый нападавший даже не понял, что произошло. Гильберт шагнул вперёд и воткнул остриё точно в висок – коротко, точно, без усилия. Тело рухнуло сразу. Второй успел развернуться. Не успел убежать. Тот же приём. Та же точка. Та же тишина. Два тела лежали на полу. Аврил смотрела на них, не дыша.

– Это... – голос не слушался. – Это так же.

Гильберт медленно выпрямился.

– Да.

Она отступила на шаг. Перед глазами всплыло другое тело. Другой дом. Дождь. Старик на полу. Тот же прокол. Та же точность.

– Это был ты, – сказала она.

Он не отрицал.

– Ты убил старика.

Молчание.

– Ты убил своего отца, – прошептала Аврил.

Гильберт закрыл дверь, медленно, тщательно, будто отрезая мир.

– Да.

Это слово упало между ними тяжелее любого удара.

– Тогда... – она сглотнула. – Тогда и в мотеле... все эти люди...

Он резко поднял на неё взгляд.

– Нет.

– Но способ.

– Я сказал – нет, – жёстко перебил он. – Их убил не я.

– Откуда мне знать? – голос Аврил сорвался. – Ты делаешь это так, будто...

– Будто я привык, – закончил он. – Да. Потому что один раз было достаточно.

Он опустил руку. Остриё было чистым. Как всегда.

– Я убил только его, – сказал Гильберт. – Моего отца. И сегодня – этих двоих. Потому что они пришли за тобой.

Аврил взглянула на тела, потом на Гильберта, и не смогла сдержать вопрос:

– Откуда они...?

Гильберт не ответил. Он уже направлялся к двери, взгляд напряжённый.

– Гильберт, подожди! – крикнула она. – Откуда они появились?!

Он остановился лишь на мгновение.

– Из запретного зала в библиотеке, – сказал он тихо. – Там портал. В другой мир.

Аврил отшатнулась:

– Портал? Ты... ничего мне не объясняешь?

– Я должен проверить библиотеку, – сухо ответил он. – Быстро.

Она хотела возразить, но поняла: лучше не мешать. Сердце билось безумно. Она снова взглянула на тела – и ужаснула мысль, что они могли прийти через портал.

Но когда Гильберт вернулся, выражение его лица было странно спокойным.

– Всё под контролем, – сказал он. – Другие хранители времени уже позаботились об этом. Запретный зал закрыт. Портал больше неактивен.

Аврил не могла понять, как это всё работает. Она чувствовала себя крохотной в огромной сети событий, где никто не объясняет, и всё решается за неё.

– И... что теперь? – спросила она.

Гильберт не отвечал сразу. Он смотрел на неё долго, потом тихо сказал:

– Теперь ты знаешь. И это только начало. Тишина снова стала плотной.

Аврил первой нарушила её. Голос дрожал, но взгляд был твёрдым.

– Почему, Гильберт? – медленно спросила она. – Почему ты убил его?

Он стоял у стены, словно врос в камень. Тени от свечей делали его лицо чужим, ломаным. Он не сразу ответил. Сначала провёл рукой по виску – там, где когда-то была кровь.

– Потому что он уже был мёртв, – сказал он наконец. – Просто ещё дышал.

– Не лги мне, – резко. – Я видела его. Он был... старым. Слишком старым. Но все остальные в Ордене выглядят одинаково. Не стареют так. Почему твой отец выглядел, как будто прожил три жизни?

Гильберт усмехнулся – криво, без радости.

– Потому что он их и прожил.

Он подошёл ближе. Аврил почувствовала холод, исходящий от него, будто от подземелья.

– Мой отец был Хранителем Времени задолго до меня. Тогда нас называли иначе. Не «хранители».

Хрононосцы.

А Совет – Собор Стражей.

Аврил сглотнула.

– Он... перемещался?

– Не просто перемещался. Он вмешивался.

Слова упали тяжело, как камни в воду.

– В двенадцатом и тринадцатом веках, – продолжил Гильберт, и голос его стал глухим, словно он говорил изнутри гроба. – Во времена, когда мир был сырой и кровавый. Когда города пахли дымом, навозом и страхом.

Перед глазами Аврил вспыхнули образы – не её, но навязанные:

Грязные каменные стены. Флаги с гербами. Крики на латыни и старофранцузском. Кровь, смешанная с дождём.

– Он появлялся на полях войн, – говорил Гильберт. – Во времена крестовых походов. Во время осад. Он спасал королей, князей, герцогов, сеньоров. Тех, кого тогда называли помазанниками, владыками, носителями божьей воли.

– Он вытаскивал их из-под мечей, – Гильберт закрыл глаза. – Из-под арбалетных болтов. Из чумы. Из кинжалов заговорщиков.

Аврил почувствовала тошноту.

– Но... зачем?

– Потому что он верил, что может сделать мир лучше, – тихо сказал Гильберт. – Он менял ход сражений. Убирал «неправильные» смерти. Спасал тех, кто должен был умереть – и умирали другие.

Он открыл глаза. В них было что-то больное.

– Это было запрещено.

Аврил прошептала:

– Каждому... отведён свой срок?

– Да. Время – не река. Оно – тело. И отец резал его, как мясник.

Он сделал шаг назад.

– Он спас короля Англии во время осады. Спас германского императора. Спас князя, которого должны были зарезать ночью собственные вассалы.

И каждый раз будущее трещало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.